

П.П.Яковлев

Хроническая болезнь аргентинской экономики

На протяжении многих десятилетий одной из острых проблем развития аргентинской экономики остается высокая инфляция, которая неоднократно переходила в гиперинфляцию и вызывала тяжелые социальные и политические последствия. Борьба с неконтролируемым ростом цен всегда находилась в фокусе внимания аргентинских властей, но крайне редко принимаемые меры приносили желаемый долговременный положительный результат. В итоге инфляция стала подлинным кошмаром аргентинцев. В настоящее время рост потребительских цен является одним из главных препятствий на пути стабилизации экономического положения в Аргентине, а потому подавление инфляции вновь занимает центральное место в повестке дня официального Буэнос-Айреса.

Ключевые слова: Аргентина, экономическое развитие, инфляция и гиперинфляция, антиинфляционные стратегии, МВФ, стабилизационные программы.

DOI: 10.31857/S0044748X0001037-9

Экономика Аргентины переживает исключительно сложный период, отмеченный целым рядом негативных факторов, устранение которых требует не только взвешенных и точных решений власти, но и напряжения усилий всей аргентинской нации, а также максимально благоприятной конъюнктуры внешних финансовых и товарных рынков и потому не может быть ни легким, ни скорым. В 2018 г. экономическое положение стало настолько серьезным, что правительство (впервые после 15-летнего перерыва) было вынуждено обратиться за масштабной финансовой помощью к Международному валютному фонду (МВФ).

Конечно, сделанная в пожарном порядке весьма щедрая долларовая инъекция МВФ (50 млрд долл.) может на некоторое время снизить градус напряженности и несколько стабилизировать экономическую ситуацию, но в стратегическом плане не способна «расшить все узкие места» и обеспечить выход Аргентины на траекторию устойчивого роста. Для этого необходимо решать фундаментальные проблемы развития страны, многие из

Петр Павлович Яковлев — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В.Плеханова (petrp.yakovlev@yandex.ru).

которых носят застарелый характер и тянут экономику назад. В их числе — инфляция, безудержный рост потребительских цен, периодически загоняющий страну в тупик и чрезвычайно затрудняющий проведение эффективной и последовательной макроэкономической политики.

ИНФЛЯЦИОННАЯ АНОМАЛИЯ

Не будет преувеличением сказать, что инфляция стала неотъемлемой чертой экономического развития Аргентины, оказывающей мощное воздействие на образ жизни аргентинцев, их психологию и каждодневное потребительское поведение. За семь послевоенных десятилетий (1946—2017 гг.) только в течение трех лет в Аргентине было отмечено незначительное снижение потребительских цен (дефляция), все остальное время национальная экономика и местное население испытывали прессинг инфляции, уровень которой колебался в широком диапазоне от 0,2 до 3079,5%. При этом 15 лет рост цен выражался однозначной цифрой, 36 лет — двузначной, 10 лет — превышал 100%, пять лет — 300%, а в 1989 и 1990 гг. перешагнул отметку, соответственно, в 3000 и 2000%. Таким образом, страна в общей сложности в течение 18 лет (в 1959 г. и в 1975—1991 гг.) жила в условиях гиперинфляции¹. И сегодня Аргентина фигурирует в числе государств с самым высоким уровнем инфляции. В 2018 г. по этому показателю она заняла «почетное» четвертое место, пропустив вперед лишь Венесуэлу и расколотый на две части Судан (см. таблицу 1).

Взгляд в историю показывает, что первый инфляционный всплеск в послевоенный период имел место в 1949—1952 гг. (рост цен в годовом исчислении составлял от 25,5 до 38,6%) и был связан с общим ухудшением экономического положения Аргентины. Внутри страны курс правительства Хуана Доминго Перрона (1946—1955, 1973—1974) на «стягивание» экономики под тотальный контроль государства и перераспределение национального дохода в пользу наемных работников привел к увеличению потребительского спроса, не обеспеченного товарным предложением. В сфере внешнеэкономических связей Буэнос-Айрес столкнулся с неблагоприятной конъюнктурой, поскольку реализация в Европе плана Маршалла вызвала падение мировых цен на сельхозпродукцию и вытеснила аргентинских экспортеров с европейских рынков. В 1949 г. вывоз товаров сократился на 43% и внешнеторговый баланс впервые за десять лет был сведен с отрицательным сальдо, а дефицит бюджета достиг беспрецедентно высокого показателя в 12% ВВП, что указывало на грубые просчеты в макроэкономической политике².

В феврале 1952 г. Х.Д.Перон обнародовал «План чрезвычайных экономических мер», направленный на снижение инфляции и ставший первой стабилизационной программой в послевоенной истории страны. Однако достигнутая относительная устойчивость оказалась краткосрочной, поскольку не сопровождалась ростом производственных капиталовложений и структурной перестройкой экономики. Дестабилизирующим фактором стал военный переворот 1955 г., отстранивший от власти перонистов. В стремлении привлечь иностранный капитал и таким способом нарастить инвестиции военный режим обвалил курс песо (его цена за 1 доллар снизилась с 8,8 до 22 единиц) и внес в фискальную политику коррективы, отве-

чавшие интересам предпринимательских кругов и наиболее обеспеченных слоев населения. В результате усилились хозяйственные дисбалансы, цены вышли из-под контроля, и инфляция стремительно ползла вверх, достигнув в 1959 г. уровня так называемой «умеренной гиперинфляции» — 113,3%. Разбалансировка финансовой сферы потребовала принятия очередного пакета стабилизационных мер (июль 1959 г.), включивших в себя замораживание цен и заработной платы³.

Т а б л и ц а 1

СТРАНЫ МИРА С САМОЙ ВЫСОКОЙ ИНФЛЯЦИЕЙ (% за год)

	Страна	2000—2009	2010—2016	2017	2018
1	Венесуэла	20,8	77,5	1087,5	13864,6
2	Южный Судан	—	—	187,9	104,1
3	Судан	8,6	25,0	32,4	43,5
4	Аргентина	8,4	18,8	25,7	31,8
5	Ангола	62,4	13,9	31,7	27,9
6	Демократическая Республика Конго	61,5	8,7	41,5	25,8
7	Ливия	-0,1	9,3	28,0	24,3
8	Йемен	10,9	14,4	4,9	23,0
9	Египет	7,0	9,9	23,5	20,1
10	Узбекистан	15,8	10,6	12,5	19,5
11	Нигерия	12,3	11,1	16,5	14,0
12	Сьерра Леоне	7,5	12,7	18,0	13,9
13	Бурунди	10,7	8,2	16,6	12,7
14	Иран	14,7	19,4	9,9	12,1
15	Либерия	9,8	8,1	12,4	11,7
16	Турция	21,7	8,0	11,1	11,4
17	Эфиопия	10,3	14,0	9,9	11,2
18	Гаити	14,8	7,1	14,7	11,1
19	Украина	12,9	10,7	14,4	11,0
20	Малави	14,1	18,9	11,5	10,4

Источник: IMF. World Economic Outlook. April 2018. Cyclical Upswing, Structural Change. Washington, 2018, p. 33-37. (2000—2009 и 2010—2016 гг. — среднегодовые показатели, 2018 г. — прогноз).

С этого момента и на долгие годы *инфляция в Аргентине приобрела хронический характер*, а главными способами борьбы с ней стали девальвация национальной валюты, жесткий контроль над ценами и ограничение доходов работающих по найму, т.е., подавляющего большинства населения. Парадоксальным образом антиинфляционные меры с завидной последовательностью оборачивались своей противоположностью. В частности, исчерпав возможности замораживания цен и заработных плат, власти обращались за помощью к печатному станку, и Центральный банк начинал вбрасывать в экономику практически необеспеченные товарами деньги, в

результате чего страна периодически срывалась в инфляционную спираль и пережила несколько тяжелейших периодов гиперинфляции⁴. Ситуация усугублялась крайне запутанным валютным регулированием, наличием параллельных обменных курсов аргентинского песо (официального и свободного), контрпродуктивной практикой властей манипулировать размерами банковского процента, существованием «черного рынка» определенных видов потребительских товаров и расцветом финансовых махинаций. «Экономика, — констатировал видный аргентинский ученый Альдо Феррер, — погрузилась в спекулятивное болото»⁵. Такая аномальная макроэкономическая обстановка в основных чертах сохранялась до 1989 г., когда президентом страны стал кандидат перонистов Карлос Менем, чье правление в 1989—1999 гг. круто изменило стратегию социально-экономического развития страны.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ

С возвратом к власти правительства перонистов в Аргентинской Республике начался процесс глубоких перемен, многие из которых были совершенно неожиданными как для большинства голосовавших за К.Менема избирателей, так и для аргентинского общества в целом. Большой сюрприз ожидал и все международное сообщество, поскольку президент-перонист, выступавший в ходе избирательной кампании с традиционными популистскими лозунгами, стал «крестным отцом» неолиберального курса в духе Вашингтонского консенсуса.

Кардинальное значение для формирования общей линии новой экономической политики имело одобрение Национальным конгрессом закона 23.938, который вступил в силу 1 апреля 1991 г., вошел в историю как закон «О конвертируемости» и коренным образом изменил валютно-финансовую ситуацию в стране. Его основное содержание сводилось к введению в Аргентине бимонетарного режима — равноправного хождения двух денежных единиц: нового аргентинского песо и доллара США, причем их покупательная способность устанавливалась в соотношении 1:1. Одновременно сужалась макроэкономическая роль Центробанка, утратившего возможность финансировать государство путем бесконтрольной эмиссии денег (как правило, по требованию исполнительной власти, которая таким способом «заделывала» бреши в федеральном бюджете и одновременно «разгоняла» инфляцию). В условиях системы «конвертируемости» государство могло получить дополнительные средства только путем заимствований на внутреннем или внешнем финансовых рынках, выпуская соответствующие суверенные долговые инструменты (обязательства). Такое положение дел теоретически должно было вынудить власти укреплять финансовую дисциплину и повышать собираемость налогов — единственный источник денежных поступлений, не считая заимствований⁶.

Жесткая валютно-финансовая политика почти на десятилетие обеспечила подавление инфляции. Индекс потребительских цен упал с 171,7% в 1991 г. до 24,9 в 1992 г., 10,6 в 1993 г., 4,2 в 1994 г. и 3,4% в 1995 г., а в период 1996—2001 гг. колебался в пределах от 0,9% (максимальный показатель) до -1,1% (дефляция). Такого в аргентинской истории не было никогда.

Режим «конвертируемости» явился ключевым элементом неолиберального курса рыночных реформ, в рамках которого был проведен форсиро-

ванный демонтаж государственного сектора, предприятия которого перешли в частные руки, а также произошло «открытие» национального хозяйства международной конкуренции (в 1990—1998 гг. оборот внешней торговли вырос в 3,5 раза), чем воспользовались транснациональные корпорации и банки, «оседлавшие» приватизацию и возглавившие процесс глобализации аргентинской экономики.

В 1990-е годы экономический рост в решающей степени поддерживался за счет внешних финансовых потоков в форме прямых и портфельных инвестиций, многомиллиардных частных и государственных долговых обязательств. С точки зрения финансовой либерализации Аргентина стала одной из самых открытых экономик мира, что критически повысило ее экзогенную уязвимость, которая в полной мере дала о себе знать в конце десятилетия. В этот период произошло сопряжение целого ряда негативных факторов, зародившихся в недрах неолиберальной модели и дестабилизировавших финансово-экономическое положение страны. Во-первых, вопреки ожиданиям, резкое сокращение госсектора не привело к снижению расходов консолидированного бюджета. Напротив, эти расходы в 1989—1999 гг. выросли в 4,2 раза, заметно обгоняя темпы роста экономики и динамику увеличения доходов. В итоге бюджетный дефицит, сниженный в 1993 г. до 0,3% ВВП, в 1999 г. составил 4,7%. Во-вторых, экспоненциально выросла суверенная задолженность (с 60 млрд долл. в 1991 г. до 144 млрд в 2001 г.), платежи по обслуживанию которой стали непосильным бременем и в конечном счете подорвали финансовые возможности аргентинского государства. В-третьих, огромных объемов достиг вывоз капиталов за рубеж (более 100 млрд долл. к 2000 г.), что ясно указывало на утрату доверия инвесторов к способности властей контролировать ситуацию, сохранять положительную хозяйственную динамику и поддерживать устойчивость национальной валюты⁷.

Предчувствие инвесторов не обмануло: экономическое положение стремительно ухудшалось, а власти принимали одно отчаянное решение за другим. Последним актом неолиберальной драмы стал печально известный «загончик» («corralito») — введение с 3 декабря 2001 г. ограничения на снятие наличных денег с банковских счетов (не более 250 песо/долларов в месяц), что должно было ограничить «бегство» капиталов. В ответ по стране прокатилась волна протестных выступлений, вынудившая правительство уйти в отставку. 23 декабря 2001 г. временный глава государства Адольфо Родригес Саа объявил о введении моратория на платежи по обслуживанию суверенного долга, что означало объявление *самого крупного в мировой истории дефолта*. Хотя эта экстраординарная мера не распространялась на долги МВФ, Межамериканскому банку развития (МАБР) и гарантированные государством займы, объем дефолтированных финансовых инструментов превысил рекордную сумму — 80 млрд долл. В итоге Аргентина вступала в 2002 г. в новом качестве: не как неолиберальный образец для подражания, а как находящийся в глубоком кризисе несостоятельный международный должник.

СОМНИТЕЛЬНЫЕ УСПЕХИ

Провал неолиберального курса заставил аргентинский истеблишмент круто изменить стратегию развития и взять на вооружение макроэкономическую политику националистического и этатистского толка. Ее основные черты утвер-

дились в период президентства Нестора Киршнера (2003—2007) и получили окончательное оформление при его супруге Кристине Фернандес де Киршнер (глава государства с 2007 г. по 2015 г.). В эти годы своеобразного президентского «семейного подряда» стратегия социально-экономического развития стала опираться на следующие основополагающие факторы:

— установленный после дефолта конкурентоспособный обменный курс песо по отношению к доллару (около 3:1 в конце 2002 г. и 4:1 в 2009—2011 гг.), стимулировавший аргентинский экспорт и сдерживавший импорт;

— профицит бюджета, давший в руки правительства значительные средства для выполнения государственных экономических и социальных программ и наращивания валютных резервов (с 13,8 млрд долл. в 2003 г. до 52,2 в 2010 г.);

— радикальная реструктуризация дефолтированной задолженности, в результате чего госдолг уменьшился с 70% ВВП в 2003 г. до 38% в 2011 г. Однако часть инвесторов (так называемые *hold-outs*) не согласились на условия Буэнос-Айреса и предъявили аргентинскому правительству судебные иски, фактически лишив его доступа к международному рынку капиталов;

— усиление государственного вмешательства в экономику, включая национализацию отдельных предприятий (многие из которых оказались нерентабельными) и широкое использование госсубсидий в целях поддержания низких тарифов на коммунальные услуги, в энергетике и на транспорте;

— политика «социального включения»: повышение уровня жизни большинства населения, рост зарплат и пенсий, денежные субсидии малоимущим гражданам, стимулирование потребления. Средняя зарплата в частном секторе, составлявшая в 2006 г. 684 долл. в месяц, в 2012 г. достигла 1795 долл., т.е. увеличилась в 2,6 раза, что существенно превышало динамику роста производительности труда⁸.

Новая экономическая политика на фоне благоприятной международной конъюнктуры высоких цен на товары аргентинского экспорта принесла свои плоды и обеспечила выход из кризиса. В период 2003—2012 гг. («золотое десятилетие») ВВП, рассчитанный в постоянных ценах, практически удвоился. По среднегодовым темпам его прироста (7,3%) Аргентина опережала подавляющее большинство государств земного шара. Такого результата страна не добивалась с 1914 г., т.е. почти 100 лет. Ощутимо выросло производство основных промышленных и сельскохозяйственных товаров, значительно возрос внешнеторговый оборот, существенно увеличились валютные резервы, снизилась долговая нагрузка на экономику. На волне хозяйственного подъема улучшились социальные показатели, сократились бедность и безработица. Но те дисбалансы, которые характеризовали этатистскую модель, генерировали негативные эффекты и разрушали ее изнутри.

Грозные раскаты грома прокатились уже в 2005 г., когда индекс потребительских цен достиг 12,3%, что явно не укладывалось в схему стабилизации финансового положения страны. Инфляция (в очередной раз в аргентинской истории) стала главной угрозой макроэкономической политике. Предпринятые администрацией Н.Киршнера экстренные меры по сдерживанию роста цен позволили в 2006 г. снизить инфляцию до 9,8% и несколько приглушить страхи перед возможностью нового гиперинфляционного всплеска. Но проблема осталась, и она приковала к себе внимание правящих кругов, делового мира и экспертного сообщества в самой Арген-

тине, вызвала комментарии за рубежом. Тогдашний президент МВФ Родриго Рато назвал «инфляционный навес» над аргентинской экономикой «опасным», а нобелевский лауреат по экономике 2006 г. Эдмунд Фелпс высказался в том плане, что в Аргентине происходил процесс «*накопления инфляции*», который правительство пыталось скрыть с помощью «статистических ухищрений». Другой «гуру» — Пол Кругман — связал инфляцию с перегревом аргентинской экономики и в качестве одного из направлений антиинфляционной политики предложил повышение обменного курса песо. Практически все специалисты были солидарны в том, что инфляция — острейшая проблема хозяйственного развития страны, «ахиллесова пята» экономической политики. Крайне раздраженную реакцию Н.Киршнера вызвали указания на то, что инфляцию провоцировал чрезмерно выросший потребительский спрос. Президент заявил: «Это ложь, что рост внутреннего потребления носит инфляционный характер. Так утверждают определенные экономисты ортодоксального толка, ратующие за дальнейшую концентрацию национального богатства»⁹.

В этой связи особую актуальность приобрел закономерный вопрос: какова была истинная природа очередного инфляционного витка в Аргентине?

Инфляция «образца 2000-х годов» — многофакторное явление, в основе которого лежал целый комплекс причин. «Вздутие цен» одновременно носило характер и инфляции спроса, и инфляции предложения. В первом случае речь шла о прямых последствиях повышения доходов и покупательной способности подавляющей части населения, увеличения совокупного спроса, что не всегда удовлетворялось ростом местного производства и импортными поставками (*output gap*). Вместе с тем имела место и инфляция издержек. Такие факторы, как повышение заработной платы, растущие расходы на приобретение зарубежного оборудования и технологий увеличивали себестоимость производства, что далеко не всегда и не в полной мере компенсировались ростом производительности труда и общим повышением хозяйственной эффективности. Пониманию феномена аргентинской инфляции служит и кривая Филипса*, указывающая на то, что с повышением заработной платы и занятости и снижением безработицы (а именно эти процессы развивались в Аргентине) происходит рост цен. Действительность подтверждала эту формулу.

Болезненную реакцию в обществе вызывал тот факт, что при уровне инфляции, например, в 12,3% (2005 г.) цены на целый ряд товаров массового спроса, включая продовольствие, выросли значительно больше: на 18—20%. Это затронуло интересы среднего класса и малоимущих слоев населения, которым было сложно поверить в официальные показатели инфляции. Отсюда — сомнение в истинности правительственных заявлений. По результатам социологических исследований, большинство аргентинцев считало реальной цифрой роста цен в 2007 г. 20%, т.е. практически вдвое выше, чем данные Национального института статистики (*Instituto Nacional de Estadística y Censos, INDEC*). Проведенный в декабре 2007 г. репрезентативный опрос 25 экономистов показал, что ни один из них не доверял официальной статистике и оценивал уровень годовой инфляции в пределах

* Кривая Филипса — графическое отображение предполагаемой обратной зависимости между уровнем инфляции и уровнем безработицы. — *Прим. ред.*

16—21%. В частности, известный эксперт Хорхе Овьедо сравнивал данные INDEC с «советской статистикой», которая давала лишь показатели, удобные власти¹⁰. Причем, по его мнению, 20-процентная инфляция могла стать «точкой невозврата» и означать возникновение неконтролируемых инфляционных процессов.

Историческая память «кошмарила» аргентинские власти и общество в целом, делая их особо чувствительными к любой угрозе очередного витка инфляционной спирали. В попытке не допустить его администрации Н.Киршнера и К.Фернандес де Киршнер встали на путь *таргетирования инфляции* — постепенного целевого снижения ее до уровня 3-4%.

Спецификой антиинфляционного курса стало сочетание политики сдерживания роста тарифов и цен (в частности, путем соглашений с производителями и торговыми сетями, охвативших свыше 500 базовых продуктов) с мерами по ограничению экспорта отдельных продовольственных товаров. В итоге правительство получило так называемый *эффект кобры* — результат прямо противоположный ожидаемому. Предложение целого ряда товаров сократилось, а цены продолжали расти, механизм таргетирования инфляции не сработал. В этих условиях власти пошли по пути наименьшего сопротивления: работу INDEC поставили под правительственный контроль, а сама методология подсчета динамики потребительских цен была изменена таким образом, что стала невозможной более или менее реальная оценка темпов инфляции. Официальные цифры роста цен стали все больше отличаться от независимых экспертных данных и главное — от непосредственных ощущений потребителей.

КАК РЕШИТЬ КВАДРАТУРУ КРУГА?

В условиях инфляционного прессинга в апреле 2008 г. министерство экономики разработало программу антиинфляционных мер, включившую ряд радикальных предложений. Например, предусматривалось повышение тарифов на электричество, газ и транспорт; сокращение государственных расходов на создание объектов инфраструктуры; замораживание заработной платы; поощрение конкуренции на рынках потребительских товаров; стимулирование роста срочных банковских депозитов; обеспечение независимости INDEC; ограничение сверхприбылей крупнейших торговых сетей (в Аргентине уровень их прибыльности в два-три раза превышал среднемировой)¹¹.

Проблема состояла в том, что реализация указанной программы могла привести к торможению экономического роста, что шло вразрез со стратегией Н. Киршнера и К. Фернандес де Киршнер и потому вызвало их недовольство, став одной из причин отставки автора программы — министра экономики Мартина Лусто. Новый глава ведомства положил предложения своего предшественника под сукно, но от этого острота ситуации не спадала. «С уходом Лусто, — отмечалось в исследовании консалтинговой компании «Ecolatina», — проблемы никуда не делись»¹². Как бы подтверждая эту оценку, в августе 2008 г. руководство Аргентинского индустриального союза оценило уровень инфляции в стране в 25% (правительство называло 7%) и потребовало «срочной нормализации» работы INDEC.

Кардинальной ошибкой правительства, по мнению авторитетного эксперта Марио Бродерсона, было сохранение так называемой *дисторсии цен*

(т.е. поддержание цен, не отражающих экономические реалии и противоречащих здравому смыслу). Например, бензин в Аргентине стоил наполовину дешевле, чем в соседних латиноамериканских государствах, а природный газ для бытового потребления в Буэнос-Айресе — в 13 раз меньше, чем в Чили и в 25 раз (!) — чем в Бразилии. Похожая картина наблюдалась в области общественного транспорта и снабжения электроэнергией. Это отрицательно сказывалось на рентабельности частного бизнеса, занятого в данных секторах, и заставляло государство наращивать объемы субсидий, что, в конечном счете, вело к нарушению бюджетного равновесия. М.Бродерсон подчеркивал, что власть не исправляет даже очевидных макроэкономических промахов, придерживается стратегии «больше того же самого»¹³.

Новым вызовом для властей стало возникновение бюджетного дефицита — прямого следствия безудержного роста субсидий и других транзакций (бюджетные расходы в 2003—2012 гг. выросли в 8,5 раз: с 28 до 240 млрд долл.). Осложнение финансового положения подтолкнуло правительство К. Фернандес де Киришнер к принятию ряда весьма рискованных решений. В частности, отрицательные последствия повлекли за собой меры по жесткому валютному контролю, введенные в конце 2011 г. в целях ограничения утечки из страны капитала. Аргентинцы в одночасье лишились возможности свободно приобретать иностранную валюту, что моментально привело к возникновению «черного рынка» и нескольких обменных курсов. К 2015 г. «закрепились» два основных курса доллара — официальный, регулируемый Центральным банком, и параллельный — так называемый *dollar blue* (на 1 июля 2015 г. — 9 и 13,5 песо за 1 доллар, соответственно).

В результате ошибочных кредитно-денежных решений и неблагоприятных изменений на мировых рынках (падения цен на товары аргентинского экспорта) Аргентина вступила в период нарастания структурных дисбалансов и финансовых проблем. Свидетельством возросших трудностей стало резкое торможение экономического роста. Как констатировали эксперты, произошел переход от «китайских темпов» развития к «японской депрессии»¹⁴. В сочетании с сохранявшейся высокой инфляцией, реальные индексы которой оценивались в пределах 25-30% в год (в три раза выше официальных данных), стагнация превращалась в *стагфляцию* со всеми вытекающими из этого последствиями. В 2012—2015 гг. произошло сокращение ВВП, на 30% упала стоимость экспорта, выросли дефициты бюджета и счета текущих операций, на 18,2 процентных пункта ВВП увеличился суверенный долг, на 35% снизились валютные резервы и т.д. (см. таблицу 2). Аргентинская экономика, как отмечали эксперты МВФ, «достигла дна».

На фоне усиления кризисных явлений неотвратимо приближались очередные президентские выборы, назначенные на 25 октября (первый тур) и 22 ноября (второй тур) 2015 г. Несмотря на наличие огромного административного ресурса, находившегося в руках кандидата правящего режима, победу во втором туре одержал оппозиционер — выходец из предпринимательских кругов Маурисио Макри, 10 декабря 2015 г. вступивший на пост президента¹⁵.

**АРГЕНТИНА: КЛЮЧЕВЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
(2012—2015 гг.)**

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
ВВП, млрд долл.	608	622	538	599
Экспорт, млрд долл.	80,0	76,0	68,3	56,7
Счет текущих операций, млрд долл.	-1,4	-12,1	-8,1	-15,9
Инфляция, % (данные INDEC)	10,8	10,9	23,9	27,5
Государственный долг, % ВВП	35,1	38,8	42,8	53,3
Валютные резервы, млрд долл.	43,3	30,6	31,4	28,0
Валютные резервы, % ВВП	7,1	4,9	5,8	4,7
Бюджетный дефицит, % ВВП	1,8	2,5	4,3	3,1

Источник: CEPAL. Estudio Económico de América Latina y el Caribe, 2016. Argentina. — Available at: <http://repositorio.cepal.org/>

Перед новым главой государства встала сложнейшая задача — очистить «авгиевы конюшни», оставленные предыдущей администрацией в финансово-экономической сфере, и прежде всего «сбить» инфляцию, являющуюся одним из основных препятствий на пути восстановления хозяйственного роста и придания ему динамичного, устойчивого характера. Для этого правительство должно было развязать (или разрубить) тугие узлы, образовавшиеся в экономике в период правления семьи Киршнеров. В частности: устранить параллельный обменный курс песо, провоцировавший валютные спекуляции; «разрулить» конфликт с *hold-outs* и получить доступ к международным кредитам; пересмотреть в сторону существенного повышения тарифы на транспортные и коммунальные услуги, размер которых не покрывал издержек и компенсировался из бюджета; ослабить налоговую нагрузку на экспортеров и тем самым стимулировать их активность; обеспечить приток в экономику крупных производственных капиталовложений, включая иностранные; предпринять шаги по снижению бюджетного дефицита и оздоровлению государственных финансов.

Поскольку состояние дел не оставляло времени на раскачку, М.Макри приступил к корректировке экономической политики буквально в первые дни после вступления в должность. Уже 17 декабря 2015 г. был введен единый обменный курс песо, что сопровождалось его девальвацией на 30%. Тем самым решались две задачи: выбивалась почва из-под ног валютных спекулянтов и повышалась конкурентоспособность аргентинских товаров и услуг на мировых рынках. Аргентинские экспортеры и импортеры выиграли и от снижения (или полной отмены) внешнеторговых налогов и резкого сокращения (с 19 тыс. до 1,4 тыс. наименований) списка товаров, импорт которых был ограничен. Принципиальное значение имело проведенное «без анестезии» повышение тарифов на газ, воду и электроэнергию (в отдельных случаях оно достигало 300-500%)¹⁶.

Предпринимая столь радикальные и объективно необходимые шаги, новая власть вступала в зону высоких рисков, поскольку указанные кон-

кретные меры (например, абсолютно неизбежный рост тарифов) затрудняли решение поставленных стратегических задач — подавления инфляции и ускорения экономического роста. Стремясь более уверенно управлять финансовыми рисками и создать условия для притока инвестиций и повышения деловой активности, правительство добилось урегулирования конфликта с *hold-outs*, что означало окончательный выход страны из дефолта через 15 лет после его объявления.

Но оставалась нерешенной проблема продолжавшегося роста цен, подрывавшего макроэкономическую устойчивость. В конце сентября 2016 г. Центральный банк официально объявил о переходе к режиму *таргетирования инфляции* и установил следующие целевые параметры роста потребительских цен: 12-17% в 2017 г., 8-12% в 2018 г. и 5% в 2019 г.¹⁷. Правительство таким образом «удваивало ставки» в антиинфляционной борьбе, посылало положительный сигнал бизнесу и стремилось вселить оптимизм в аргентинское общество. Вместе с тем многие специалисты, ссылаясь на неудачный опыт таргетирования при президенте К.Фернандес де Киршнер, высказывали сомнения в том, что властям удастся достичь поставленных целей в намеченные сроки и таким образом «решить квадратуру круга». Дальнейшие события подтвердили правоту этих экспертов.

ОТ «ЧЕРНОГО МАЯ» К «ЧЕРНОМУ АВГУСТУ»

Факты указывают на то, что правительство М.Макри в стремлении вырваться из кризисной ямы недооценило всю сложность экономического положения, не учло в полной мере целый ряд факторов, в том числе психологического порядка. В частности, один из парадоксов заключался в том, что, несмотря на 12 лет попыток отмежеваться от неолиберальной стратегии 1990-х годов и уменьшить роль доллара в аргентинской экономике (политика Киршнеров), страна, как признают эксперты, продолжала существовать в парадигме фактического бимонетаризма¹⁸. Как и прежде, аргентинцы рассматривали доллар в качестве самого надежного инструмента сбережения и накопления и при первой возможности приобретали американскую валюту, провоцируя тем самым повышение ее обменного курса, снижение стоимости песо и неизбежно разгоняя инфляцию. Особенно резко курс доллара возрастал в периоды экономических трудностей, когда инстинкт финансового самосохранения заставлял значительную часть населения перестраховываться и увеличивать закупку валюты.

Именно такая неблагоприятная макроэкономическая ситуация сложилась в конце 2017 и начале 2018 г. Причин было несколько. Во-первых, ключевой аграрный сектор поразила сильнейшая засуха, ставшая для официального Буэнос-Айреса настоящим «черным лебедем» — неожиданным негативным явлением, повлекшим за собой тяжелые последствия¹⁹. Так, несмотря на циклический рост мировых цен на аргентинские экспортные товары, поступления от их вывоза оказались значительно ниже ожидаемых, в результате чего в 2018 г. во внешней торговле образовался крупный (порядка 10 млрд долл.) дефицит, осложнивший финансовое положение страны. Во-вторых, правительству не удалось существенно снизить государственные расходы и радикально уменьшить первичный (без учета платежей по государственному долгу) дефицит бюджета (см. таблицу 3).

В-третьих, отрицательное воздействие на экономику Аргентины оказала внешнеторговая политика Дональда Трампа. Протекционистские решения Белого дома привели к фактическому закрытию американского рынка для аргентинского биотоплива (важной статьи экспорта), а введение повышенных таможенных пошлин на импорт в США стали и алюминия больно ударило по интересам аргентинских металлургов²⁰.

Т а б л и ц а 3

**АРГЕНТИНА: КЛЮЧЕВЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
(2016—2019 гг.)**

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
ВВП (изменение в %)	-1,8	2,9	-0,3	3,2
Экспорт, млрд долл.	57,7	58,4	65,0	72,0
Импорт, млрд долл.	55,6	66,9	75,0	75,0
Счет текущих операций (% ВВП)	-2,7	-4,8	-5,1	-5,5
Инфляция, % (данные INDEC)	38,5	25,7	31,8	17,0
Государственный долг, % ВВП	53,3	52,6	54,1	52,7
Первичные расходы бюджета (% ВВП)	39,8	38,6	37,5	35,9
Первичный дефицит бюджета, % ВВП	4,7	4,5	3,5	2,4

Составлено по: IMF. World Economic Outlook, April 2018. Cyclical Upswing, Structural Change. — <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/03/20/world-economic-outlook-april-2018>; данные правительства Аргентины (2018 г. — оценка, 2019 г. — прогноз).

Все это в сумме подрывало усилия правительства по стабилизации социально-экономического положения и оживлению хозяйственного роста, ограничивало деловую активность бизнеса, который в массе своей занял выжидательную позицию и приостановил капиталовложения в экономику (принцип «wait and see» — «выждидай и наблюдай»). Более того, в международной прессе появились советы иностранным инвесторам «уносить ноги из Аргентины»²¹. Понятно, что такого рода алармистские заявления привносили в общественную атмосферу настроения неуверенности в завтрашнем дне. Следствием стал уже привычный «уход в доллар» — лихорадочная скупка населением американской валюты. Всего за несколько месяцев (с начала мая до середины августа 2018 г.) Аргентина пережила три периода экстремального спроса на доллары и резкого обесценивания национальной денежной единицы, в результате чего обменный курс песо по отношению к доллару США снизился почти на 50%: с 21 до 31 песо за 1 доллар (в первую неделю сентября песо подешевел до 40 единиц за доллар)²². Особенно критическая ситуация сложилась в мае, который стал «черным месяцем» аргентинских финансов. Несмотря на огромные усилия Центрального банка, выбросившего на рынок миллиарды долларов, ему не удалось остановить падение обменного курса песо и заблокировать раскручивание спирали инфляции.

Вполне реальная угроза исчерпания собственных ресурсов вынудила Буэнос-Айрес в мае 2018 г. обратиться к МВФ с просьбой об открытии кредитной линии «stand by» — предоставлении значительных денежных

средств для покрытия кратковременных потребностей страны в финансах. Обращение Аргентины вызвало положительную реакцию директора-распорядителя МВФ Кристин Лагард, что позволило провести переговоры в ускоренном темпе.

В начале июня было объявлено о заключении *соглашения с МВФ* и еще рядом финансовых учреждений (МАБР и др.) о предоставлении Аргентине финансовой помощи общим объемом 55650 млн долл. Львиную долю указанной суммы в размере 50 млрд долл. под 1,96—4,96% годовых (первый транш составил 15 млрд долл.) предоставлял МВФ. По условиям соглашения аргентинские власти получили три года отсрочки платежей по этому займу и приняли на себя весьма жесткие макроэкономические обязательства. В частности, они обязывались не только сократить первичный дефицит бюджета, но сделать его профицитным в 2021 г. Кроме того, Буэнос-Айрес обещал (в рамках политики таргетирования) снизить инфляцию до 17% в 2019 г. и 9% в 2021 г.²³. Заметим, что эти инфляционные ориентиры были заметно выше тех, которые установил Центральный банк в 2016 г. при запуске политики таргетирования роста цен. Таким образом, правительство М.Макри очевидно проигрывало войну с инфляцией, что можно считать его стратегической неудачей.

Договоренность с МВФ вызвала в аргентинском обществе крайне неоднозначную реакцию. Большая часть бизнес-сообщества восприняла помощь фонда как предпосылку ослабления возникшей социально-экономической напряженности. Но с точки зрения многих аргентинцев (прежде всего, оппозиционно настроенных в отношении М.Макри), соглашение с МВФ пополнило копилку шоков, в которой уже были обесценение песо и всплеск инфляции²⁴. Такой взгляд на вещи объяснялся непростой историей взаимодействия Буэнос-Айреса с этой организацией. Первый займ «stand by» был получен Аргентиной в 1957 г. и с тех пор страна неоднократно (вплоть до 2003 г.) обращалась за помощью к МВФ, но каждый раз предоставление кредитов сопровождалось определенными требованиями к макроэкономической политике, соблюдение которых несколько ограничивало суверенитет аргентинского государства в финансовой области и нередко ухудшало материальное положение значительной части населения. Таким образом, подписав соглашение с МВФ, кабинет М.Макри сделал вынужденный, но весьма рискованный шаг, чреватый политическими осложнениями.

Приток в Аргентину кредитных ресурсов от международных финансовых организаций дал надежду на то, что страна прошла низшую точку долгосрочного кризиса. Однако уже в первой половине августа 2018 г. стало ясно, что до выхода на плато устойчивого социально-экономического развития еще далеко. На это указывали следующие факты: до минимального уровня снизился курс песо, и вновь заявила о себе инфляция, которую власти не могли сдерживать в целевых пределах. М.Макри признал, что по итогам года увеличится бедность, а рост потребительских цен превысит 30%, что существенно выше прежних прогнозных оценок²⁵. Это означает, что инфляционные ожидания аргентинцев остаются высокими, а правительство пока не справилось с фундаментальной задачей подавления инфляции.

Фантомные страхи перед ростом цен уже много десятилетий не отпускают аргентинцев, оказывают сильное воздействие на национальную модель потребления, провоцируют «долларовую лихорадку». Проблема в том, что инфляция в Аргентине генерируется множеством причин экономического, социального, политического, психологического характера и находится под мощным воздействием не только внутренних, но и внешних факторов. Все это делает антиинфляционную борьбу чрезвычайно сложной и долговременной задачей, сопряженной с проведением глубоких структурных реформ в экономике, модернизацией национальных институтов, избавлением от «родимых пятен» и выходом на более выгодные позиции в глобальном разделении труда и мировой торговле. Однако многолетняя прокрастинация (нежелание или неспособность) аргентинских руководителей осуществлять серьезные преобразования дестимулирует бизнес и усиливает неопределенность в экономике. По большому счету Буэнос-Айрес должен вырваться из заколдованного круга модели роста по типу «stop and go» — «остановка — движение» и перейти в режим поступательного развития. Без этого Аргентина, располагающая огромным хозяйственным потенциалом и значительными людскими ресурсами, рискует остаться страной упущенных возможностей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ INDEC (Instituto Nacional de Estadística y Censos). — Available at: <http://www.indec.mecon.ar/> (accessed 25.07.2018).

² П.П.Яковлев. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 44-46. [Yakovlev P.P. Pered vyzovami vremeni. Tsikly modernizatsii i krizisy v Argentine] [Facing the challenges of time. Cycles of modernization and the crises in Argentina]. М.: Progress-Traditsiya, 2010. p. 44-46.

³ J.E.Fellingner, T.Mancha Navarro. Stabilization policies in Argentina: an analysis from the perspective of inflation uncertainty. Working paper 04/2008. Alcalá, 2008, p. 14.

⁴ П.П.Яковлев. Антиинфляционная направленность политики стабилизации в Аргентине / Регулирование инфляции в условиях социально-экономических дисбалансов (отв. ред. А.В. Кузнецов). М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 260-273. [Antiinflyatsionnaya napravlennost' politiki stabilizatsii v Argentine] [Anti-inflation focus of stabilization policies in Argentina]. М.: ИМЭМО РАН, 2017, p. 260-273.

⁵ A.Ferré. La economía argentina. Desde sus orígenes hasta principios del siglo XXI. Buenos Aires, 2005, p. 256.

⁶ П.П.Яковлев. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. *Op. cit.*, p. 111-118.

⁷ П.П.Яковлев. Аргентина: цикл иллюзий и разочарований. — Латинская Америка, 2002, № 5, 6. [Yakovlev P.P. Argentina: tsikl illyuzii i razocharovanii] [Argentina: cycle of illusions and disappointments]. *Latinskaya Amerika*, 2002, № 5, 6.

⁸ Н.М.Яковлева, П.П.Яковлев. Аргентина: модель развития в полосе испытаний. — Год планеты. Экономика, политика, безопасность. М.: Идея-Пресс, 2012, с. 442-452 [Yakovleva N.M., Yakovlev P.P. Argentina: model' razvitiya v polose ispytanii] [Argentina: a development model in the test strip]. М.: Idea-Press, 2012, p. 442-452.

⁹ Kirchner: el consumo no provoca inflación. — *La Nación*. Buenos Aires, 19.09.2007.

¹⁰ J.Ovidó. Estadísticas soviéticas. — *La Nación*., 4.01.2008.

¹¹ *Econométrica*. Informe especial № 390, abril 2008. — Available at: <http://www.econometrica.com.ar> (accessed 29.07.2018).

¹² *Ecolatina*. Informe Económico Semanal. Buenos Aires, 2008, N 662, p. 1.

¹³ Argentina Macroeconomic Outlook. Septiembre 2008. — Available at: www.econometrica.com.ar (accessed 20.07.2018).

¹⁴ M. K a n e n g u i s e r. Advierten incipientes síntomas de recesión en la economía. — La Nación, 15.05.2012.

¹⁵ Н. М. Я к о в л е в а. Аргентина: переход к «старой норме». Итоги президентских выборов 2015 г. — Латинская Америка, 2016, № 2, с. 35-49. [Yakovleva N.M. Argentina: perekhod k «staroi norme». Itogi prezidentskikh vyborov 2015 g.] [Argentina: the "old normal". The results of the presidential election, 2015]. Latinskaya Amerika, 2016, № 2, p. 35-49.

¹⁶ Rebosio A. Macri da un giro a la economía al inicio de su mandato. — El País. Madrid, 3.01.2016.

¹⁷ BCRA. Comunicado de política monetaria. Buenos Aires, 27 septiembre de 2016. — Available at: <http://www.bcra.gob.ar/> (accessed 25.07.2018).

¹⁸ J. M o r a l e s S o l á. El país no abandonó el bimonetarismo de la época de Menem. — La Nación, 2.05.2018.

¹⁹ Los 7 efectos que generará en la economía la peor sequía de los últimos 44 años en la Argentina. — Available at: <https://www.infobae.com/economia/2018/02/28/> (accessed 25.07.2018).

²⁰ П. П. Я к о в л е в. Аргентинская сталь в ловушке глобализации. — Металлы Евразии, 2018, № 4, с. 50-53. [Yakovlev P.P. Argentinskaya stal' v lovushke globalizatsii] [Argentine steel trapped in globalization]. Metally Evrazii. 2018, № 4, p. 50-53.

²¹ K. R a p o z a. It Might Be Time To Get Out Of Argentina. May 3, 2018. — Available at: <https://www.forbes.com/sites/kenrapoza/> (accessed 25.07.2018).

²² Una semana con el dólar en el juego del subibaja. — La Nación., 9.09.2018.

²³ Argentina logra 55.650 millones de dólares del FMI y otras entidades para evitar una crisis. — Expansión. Madrid, 8.06.2018.

²⁴ B. M a n d e r., J. P. R a t i b o n e. Los argentinos, en 'shock' tras la petición de ayuda al FMI. — Expansión. Madrid, 10.05.2018.

²⁵ Presidente argentino admite un aumento de la pobreza en los últimos meses tras devaluación. 17 de agosto de 2018. — Available at: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed 19.08.2018).

Petr P. Yakovlev (petrp.yakovlev@yandex.ru)

Doctor of Economics, Chief of the Center of Iberian Studies, Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences, Professor of Plekhanov Russian University of Economics

Chronic Disease of the Argentine Economy

Abstract. For many decades one of the urgent problems of development of the Argentine economy is high inflation, which passed many times in hyperinflation and caused heavy social and political consequences. Combating uncontrolled growth in prices has always been in the focus of attention of the Argentine authorities, but it is very rarely that anti-inflationary measures produce the desired long-term positive effects. As a result, inflation has become a veritable nightmare for the Argentines. At the present time, the growth of consumer prices is one of the main obstacles to stabilizing the economic situation in Argentina. That's why the suppression of inflation once again occupies a central place on the agenda of the official Buenos Aires.

Key words: Argentina, economic growth, inflation and hyperinflation, anti-inflationary strategy, International Monetary Fund, stabilization programs.